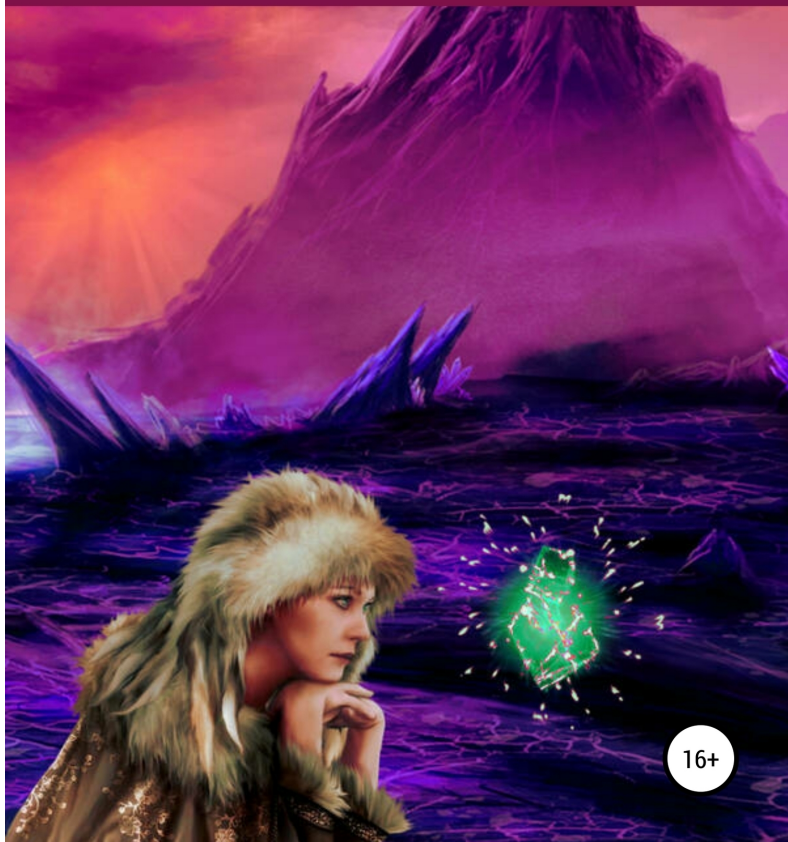

Тихонова А. В.

Гексаграмма: Падшие и проклятые

16+

Алёна Вадимовна Тихонова
Гексаграмма:
Падшие и проклятые
Серия «Гексаграмма», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63331827

SelfPub; 2020

Аннотация

Третья книга цикла "Гексаграмма". Настало время бросить окончательный вызов алхимику-отступнику Старатосу и его страшным гомункулам. Герои нанесут удар прямо по его тайному логову... Но кто знал, что новая беда подберётся с неожиданной стороны?

Алёна Тихонова

Гексаграмма:

Падшие и проклятые

Глава 1

Ишка спустила босые ноги на пол и зябко поёжилась. Ей показалось, что от окна дует, и даже успела сделать несколько шагов к нему, прежде чем сообразила, что оно закрыто, и плотные тяжёлые шторы плотно задёрнуты. Ощущение, будто в комнате что-то не так, не покидало девушку, но она глубоко вдохнула, выдохнула и попыталась мыслить здраво. Не существует ни привидений, ни дурных знамений, хотя, конечно, разум обожает преподносить фокусы и сюрпризы, вводя в заблуждение. Рисует грядущее в самом мрачном свете, особенно когда на кону всё, к чему они привыкли. Даже если удастся победить – ничто не пойдёт как прежде, колесо бытия провернётся и начнёт новый цикл.

Вероятнее всего, причина была в назначенном на послезавтра рейде на убежище отступника Старатоса. У неё отляжет от сердца, только когда они все, если и раненные, то хотя бы живые, вернутся обратно. Предсказать развитие событий с кем-то вроде Старатоса не представлялось возможным. Кажется, он бы предпочёл переубедить их, нежели убить, но вряд ли такой человек покорно даст себя убить, если они от-

кажутся слушать. А его алхимические умения, навыки и таланты переоценить было нельзя. Он ещё не сражался с ними всерьёз, а они уже понесли потери. Карои спасли только в храме, а Ричард остался жив лишь потому, что Старатос нуждался в нём целом и невредимом. Такая мощь не могла, не должна была принадлежать простому смертному, Старатос надругался над своей же природой, посягнув на незыблемые основы вселенной.

Ишка закусила губу и украдкой оглянулась через плечо, ласково и нежно окинув наполненным в равной степени заботой и беспокойством взглядом спящего Ричарда. В свете артефакта в форме шара с пульсирующей бледным сиянием золотой пылью внутри он выглядел домашним и беззащитным. И – безмерно, неописуемо усталым. Ишка улыбнулась краешками рта, но тут же вновь посерьезнела, как если бы боялась разрешить себе хоть чуть-чуть порадоваться – в точности как люди, суеверно думающие, будто любое веселье им запрещено, так как непременно тут же накличет какое-то горе. Она всё ещё сомневалась, не слишком ли рано их отношения переросли в нечто столь близкое. Несмотря на то, что сама же это предложила – Ишка всегда переживала и колебалась, потому что вовсе не была уверена, получится ли у доктора Варатти создать лекарство против точашей её тело хвори, а, если нет – вправе ли она обременять Ричарда такой собой, если он может легко найти здоровую спутницу жизни, способную и сопровождать его куда угодно, не таща с

собой сумку, набитую инъекциями, и обеспечить потомство без страха, что им передастся её хворь. Но, вот, когда перед ними зловещей стеной поднялся страх, что всё закончится, не успев толком начаться, Ишка попросту бросилась в омут с головой.

Она понятия не имела, какие именно качества определяют возникновение любви или её отсутствие.

Для этого недостаточно знать человека очень давно, ведь Карои был её очень близким другом, и он нравился ей, но о том, чтобы сойтись с ним, не могло быть и речи. Он останется рядом на всю жизнь, как надеялась Ишка, но лишь в качестве товарища и соратника, почти брата.

Не определяла любовь и сила, триумфы, власть. Не влюбилась же Ишка в Его Величество. Хотя, впрочем, многим и многим из юных дам венценосный красавец и франт кружил голову... Но с Ричардом Ишка совершила последний шаг в момент его отчаянной боли и тоски.

Она увидела страдающую душу, которая не была ни в чём виновата, но взвалила на себя чересчур много, и захотела остаться рядом навсегда – в горе и радости, душой и телом. Некоторые люди убеждены, что не заслуживают заботы и нежности, но они ошибаются. Для Ишки, девушки, чей духовный свет становился оружием против орд врагов, щитом слабых и утешением опечаленных, было очевидно – нет той бездны, до дна которой не достанет ни один луч. Просто источники света слишком нерешительны. Ишка всегда бы-

ла самлдостаточной девушкой, не считая потребности в лекарствах, которые сама приготовить не умела, и любовь для неё была лишь дополнением, а не смыслом жизни... Но двое вместе делают друг друга сильнее. Она не терпела жеманных барышень с их воркованием о том, что со своим мужчиной они хотят быть слабыми. Для Ричарда Ишка старалась подниматься всё выше, становиться сильнее и сильнее – страхов, волнений и себя вчерашней. Она была глубоко убеждена, что дешёвая философия этих недопринцесс ведёт лишь к катастрофе. Пара или способствует развитию друг друга, или вовсе такая пара и не нужна. Будучи слабым, ты виснешь балластом на шее и вынуждаешь с тобой возиться. Кисейные леди, может, и обожают такое, но её иначе воспитывали. Для неё это позор. Нет, конечно же, каждый иногда расслабляется, выдыхает и восстанавливает ресурсы, но превращать это в норму жизни, прятаться за чьей-то спиной и притворяться, что в ваше уютное гнёздышко никогда не подует ветер, и тебе не придётся вставать плечом к плечу с любимым и принимать вызов – значит видеть реальность чересчур розовой и сладкой, хуже патоки вязнущей на зубах.

Ей хотелось умолять Ричарда передумать. Не ходить в логово Старатоса. Забыть обо всём и просто жить, занимаясь своими исследованиями, в которых она ему, безусловно, помогала бы. Смотреть шире, видеть мир, а не месть и ненависть. Они не обязаны превращаться в острие разящего меча, брать эту ношу на свои плечи. Ишка мечтала попросить

Ричарда остаться с ней – и знала, что нельзя, что она не простит себе минуты столь откровенной слабости, этого мало-душия, извивающегося в её душе, будто червь. Если кому-то и следовало воздержаться от похода – так именно ей, единственному ребёнку своих родителей, той, кто наделена духовным даром рода ди Гранелей и способна передать его следующему поколению. Но это никогда её не останавливало. Если на ней пресечётся ветвь гордого дерева – пусть. Ишка – воин, а не простая обывательница, робкая и недалёкая девица, которая ничего опаснее метлы и кухонного ножа в руках не держала. Она видела смерть. И убивала сама. Она пойдёт до конца.

Старатос ведь тоже сам ни за что не остановится. В некоторой мере Ишка хорошо понимала его – этим человеком владела безудержная и слепая страсть сделать мир лучше, которой тот и посвятил жизнь без остатка. Вот только методы Старатос выбрал заведомо неправильные. Даже если реальность правда устроена так, что карабкаться вверх можно только по чужим телам, а любой прогресс неизбежно губит сотни – Старатос словно бы и не искал способа сократить количество жертв, смягчить негативные последствия своих экспериментов или отвечать за тех разумных созданий, что выходили из его лаборатории. Если они не соответствовали его ожиданиям, то сразу переставали быть ему интересны, он списывал их со счетов и отмахивался. Вот чего Ишка ни осознать толком, ни одобрить не могла – как ему хватает жесто-

кости и бесстыдства обращаться с ними как со слугами лишь оттого, что они развиваются не по его плану? Почему даже не удосуживается потратить хоть месяц на их воспитание? Гомункул Марион обмолвилась, что ничего такого не было – когда он проверил её умения и навыки, то сразу начал отдавать приказы. А ей хотелось общаться, отдавать и получать нежность, познавать мир. Марион не была пай-девочкой, но и омерзительным извергом её назвать у Ишки язык бы не повернулся. Когда липкую паутину влияния Старатоса удалось немного снять – Марион открылась как очень милое существо, даже если относиться к ней так значило оскорбить тех, кого она разорвала на куски. Марион действительно лишь начинала понемногу отличать, что хорошо, а что плохо. Она была сокровищем и шедевром – но диким, неприрученным и строптивым. А ещё... вероятно, перепуганным.

Старатос не питал ненависти к человечеству, но и любви, настоящей любви, жара, необходимого для настоящего акта творения, в нём не было. Им двигало чувство долга, которое он же сам себе однажды вбил в голову. Это чувство жгло, но не согревало. А без любви затея подобного размаха, как глубоко верила Ишка, обречена. И они не имеют права пассивно ожидать, чем же закончатся его изыскания.

Закреплённый в полулежачем положении Ричард мог только вертеть головой и трепыхаться в оплетающих его тело многочисленных ремнях.

– Свобода переоценена, мой юный друг, – промолвил Статос, глядя Ричарду в глаза. – Какая разница, от чего вы зависимы, от религии, общественных стереотипов, собственной наследственности, эмоций или чужой воли? Да хоть бы и от необходимости спать и принимать пищу. Почему тебе это важно? Тем более, за людей, которых ты даже не знаешь. Они не могут договориться, каждая партия тянет одеяло на себя и, борясь за свои права или отстаивая привилегии, неизбежно попирает чужие. Баланса и гармонии в таком мире никогда не будет. Я же стараюсь сделать так, чтобы человек не был обязан следовать даже неизбежным прихотям собственного тела. К сожалению, ты столкнулся с неудачными промежуточными результатами моих изысканий и сделал прискорбно ошибочные выводы.

Он закончил подсоединять Ричарда к аппарату, и оранжевые потоки энергии устремились по десятку тонких трубочек внутрь круглой, как огромная бочка, металлической ёмкости.

– Твоя сила поможет мне, и, когда это произойдёт, ты увидишь, что я был прав, и не стоило бояться. Просто вообрази, что будет, если пространство и время перестанут сдерживать нас. Мы сможем летать, как птицы, и дышать под водой, как рыбы, и пронзать прошлое и будущее силой мысли. Идеи будут немедленно становиться реальностью. Все действительно обретут подлинное равенство.

– Ты просто сотрёшь им личность, возможность само-

определения, уничтожишь то, что делает жизнь каждого такой особенной! – выкрикнул Ричард, бессильно дёргаясь.

Хотя помещение и смахивало на весьма изошрённую пыточную камеру, Ричарду как алхимику было известно предназначение большинства устройств. Они не были спроектированы для использования на людях, но, кажется, Старатоса подобные мелочи не волновали, и он усовершенствовал их, чтобы устранить досадное ограничение.

– Особенной – и несчастной, – парировал Старатос. – Ведь именно уникальные черты разделяют нас, и, чем их больше – тем шире пропасть. Но я это исправлю. Исчезнут горе, одиночество, даже смерть – каждый будет продолжаться во всех остальных.

Процесс ускорился, Ричарда всего, до последнего волокна мышц, до самого крохотного нерва, пронзила боль. Он закричал... и проснулся. Судорожно вытер со лба холодный пот. Такой реальный, вещественный сон. Ричард никогда не слышал, чтобы алхимия позволяла устанавливать телепатическую связь с чужим сознанием, поэтому промелькнувшее было подозрение, что кошмар навязал ему сам Старатос, он сразу отмёл. Наверно, речи этого выродка просто въелись в его подсознание, и он продолжал взвешивать и разбирать их даже во сне. Ричард не изучал тонкости человеческой психики в доскональности, но о том, что вот так случается, ему было известно.

– Что случилось? – Ишка сразу потянулась к нему, загля-

нула в глаза.

Ричард устыдился. Он явно напугал её. Заправив ей за ухо прядь белокурых волос, чтобы открыть лицо и лучше его видеть, алхимик улыбнулся, совершенно не желая делиться содержанием своего наваждения.

Старатос наверняка и впрямь всё ещё хочет его заполучить. Ричард был одним из лучших среди молодого поколения алхимиков. Перспективным и многообещающим. Свежим взглядом. Как раз тем, чего не хватает ещё не старому, но уже изнурённому и не замечающему неточностей в своих вычислениях учёному.

– Как думаешь... – вполголоса пробормотал Ричард и запнулся.

– А? – ласково отозвалась Ишка.

– Может быть, Старатос прав, и всему пора измениться, а мы лишь цепляемся за пережитки старого?

– Нет! – горячо воскликнула она. – Смотри!

Ишка подбежала к окну и рывком раздвинула занавески. Ночные огни окон и фонарей мерцали там, в бездне, наполненной крошечной тьмой. Даже в столь поздний час на улицах встречались гуляющие и наслаждающиеся иным, тёмным, окутанным манящей загадочностью видом. Художники работали, стараясь уловить дух изнанки города, той, что предстаёт лишь после захода солнца. И даже в столь поздний час чуть ли не на каждом углу торговали выпечкой и сладостями. Гигантские шестерёнки, пружины, странные ко-

лёса, пластины, ступени, соединяющие ярусы города между собой – дополняли пейзаж, ни одна деталь не выглядела гротескно или неуместно. Они были террасами, мостами, дизайном домов. Город был серьёзен, собран, деловит – и, вместе с тем, по-особенному разгульно-бесшабашен. Холодный механизм, столь милый сердцам его жителей. Как и всюду, здесь стремились к богатству и статусу. Как и всюду, были равнодушны к искусству, красоте, изяществу. Как и всюду, желали безопасного, мирного существования.

– Видишь этот город, в котором каждый всегда куда-то спешит? Возможно, не все они довольны жизнью или видят в ней смысл, но Старатос... Он искалечит их. Ты же знаешь, что он натворил с рассудком этой бедной девочки, Марион. Она сделалась убийцей, потому что он ничего ей не показывал и не объяснял, а она попыталась следовать его пути – примеру, который видела перед глазами! Такой человек не сможет завершить преобразование мира, он переломает и растопчет сотни душ!

– И всё же... – задумчиво протянул Ричард.

– И всё же он рождён таким же, как ты и я, а отнюдь не божеством, чтобы принимать решения за всех! Что мы знаем о нём? Ради своей цели он осквернил усыпальницу великой героини. Он преступил несколько алхимических запретов так, словно это ему ничего не стоило. Он пытался повлиять на тебя, подослав гомункула, чтобы устранить твоего друга, и наверняка похитил бы тебя помимо твоего согласия,

если бы не мы. Насилие стало естественным для него. И его мир будет построен на жестокости и залит кровью. Найдя одно якобы великое благо и достигнув его ценой бесчисленных жертв, легко поступать так снова и снова, с каждым разом всё меньше задумываясь. А в обществе всегда найдётся, что исправлять!

Ишка понимала, что вспыхнула, но остановиться не хотела, ей было важно достучаться до Ричарда. Ричард смотрел на неё. Долго. Молча. Она помнила, как выглядит для него, он как-то раз описал – белый цветок, способный вынести любые вьюги и морозы, но с трудом переносящий тепло. Эти цветы напоминали искусственные, они могли срезанными стоять целый год, но даже прикоснуться к ним было холодно – спрятанные в обманчивой нежности лепестков иглы ледяной стужи кололи пальцы.

– Я люблю тебя, – наконец сказал он, и это было уместно.

Ишка снова напомнила ему о настоящем положении вещей, расставила все точки над "и". Её рациональность и хладнокровие всегда уравнивали его эмоции, которых ей, в свою очередь, порой не хватало. Что и говорить, она и впрямь была его хранителем.

– И послушай, я хочу тебе кое-что сказать.

– Да? – она чуть напряглась, потому что в его интонации было что-то такое, для чего люди порой зреют месяцами, если не годами, а, наконец собравшись с духом, могут хлебнуть для храбрости глоток-другой ядрёного спиртного.

– Я... сделаю всё, чтобы ты, как бы ни обернулось дело, смогла покинуть логово Старатоса живой и невредимой. Не спорь, пожалуйста... не сейчас, – он вскинул руку, загодя останавливая её. – И, если не выйду я сам, то хочу, чтобы у нас был ребёнок. Я уверен, что Элиша, Беатриче и Карои помогут тебе заботиться о нём, даже если твои родители выступят против. Если небо будет милостиво к этому дитя, то оно унаследует мой алхимический дар и твою духовную силу. Я не имею понятия, какой результат может дать их слияние, но именно тебе предстоит выяснить... И воспитать такого ребёнка.

– Но я не...

– Ишка, я хочу, чтобы у нас, именно у нас двоих, было продолжение. И хочу, чтобы у тебя была опора, если меня не станет. Я понимаю, что человеческий младенец очень долго требует ухода, прежде чем вырастет в кого-то, действительно способного защищать родителей и помогать им... Но лучше уж так, чем вовсе никак. Это единственное, что я могу тебе дать, раз уж у нас может и не быть общего будущего.

Ишка долго молчала, пытаясь определиться с тем, что ответить. Ей было страшно, что ребёнок унаследует не только дар управлять духовной энергией, но и её хворь. Она боялась, что однажды дочь или сын придёт к ней и бросит в лицо обвинение, зачем она родила, зачем заставила страдать. Ричард думал лишь о самой Ишке, но не о том, каково придётся их наследнику. Понять его было легко можно, одна-

ко, не сказать, чтобы такой подход нравился девушке. Нехорошо, с гнильцой, смахивало это на скрещивание сильных линий крови по расчёту. Сломать судьбу бедняжки ещё до рождения – мало что может быть страшнее... Но тут же Ишка задумалась о себе самой. Она бы ни за что не отказалась от жизни, если бы знала заранее, какой родится, а мать каким-то мистическим образом могла спросить у плода в её чреве, стоит ли чете ди Гранелей оставлять дитя или нет. Люди, конечно, бывают разные, и её ребёнок, вполне возможно, станет рассуждать совершенно иначе, но Ишка даст шанс. Никому не обещали, что жить легко, в конце-то концов. И, если уж на то пошло, она всё же вовсе не так уж плохо живёт со своей болезнью, если не считать регулярных инъекций. Возможно, в поколении её ребёнка найдут стабильное и надёжное лекарство от этой дряни.

И, кроме того, как бы дико и аморально это ни звучало – Ишке тоже было весьма и весьма любопытно, совместимы ли уникальная духовная сила ди Гранелей и предрасположенность к алхимии, и если да – то в какой степени. Это был невероятный, захватывающий эксперимент, ведь, если получится – результат пошатнёт основы мира.

– Я согласна, – сказала Ишка.

Нет, как игрушку или средство реализации собственных амбиций она младенца не рассматривала, конечно же. Ею двигало вполне понятное желание дать малышу только лучшее. Такое, что поможет будущему поколению превзойти

нынешнее, как это и полагается для развития истории. Да, Ишка была одной из матерей, мыслящих в глобальном масштабе. Ведь, чтобы менять основы бытия, не нужно родиться по пророчеству или в королевской семье. Достаточно лишь обладать таким желанием. И, если их сын или дочь переймёт у родителей хоть каплю характера – оно будет.

Глава 2

День был снежным, и пурга так и норвила бросить горсть белоснежных хлопьев под капюшоны маленькой группки людей, медленно бредущих по заросшему бурьяном и занесённому снегом пустырю. Не видно было ни зги, еле-еле помогали руны направления, применённые Ричардом, карта Ясного Взора из запасов Беатриче и выдающиеся навыки Вагруса. В такой день ни одна птица не вылетит из укрытия, и ни одна собака не покажет нос на улицу. Дату менять не стали, рассудив, что вьюга может спрятать их от возможных следящих устройств Старатоса. Кроме того, Беатриче предположила, что он, скорее всего, не будет ожидать нападения в такую плохую погоду. Кроме того, каждый час отсрочки приближал Старатоса к выполнению задуманного, и друзья не желали, проснувшись однажды поутру, увидеть, что цепочка преобразований уже запущена, а они не могут ни на что повлиять. Когда группа приблизилась к убежищу Старатоса настолько, что его стало уже видно, Ричард с помощью алхимического знака соединённых и заключённых в круг усиления

четырёх стихий, из которых так или иначе состояло почти всё на материальном плане реальности, и Беатриче – благодаря карте, позволяющей чувствовать сокровенное, искали ловушки, а Вагрус поглощал их энергию браслетом. Почти все тайные устройства Старатоса, обнаруженные группой на пути, включали в себя именно алхимию, Старатос то ли презирал обыкновенные трюки вроде секретных плит, что активировали механизмы, выпускающие стрелы или копья из стен, или проваливающегося под ногами пола, то ли чересчур полагался на алхимию, но ни одной простой западни им не попалось, только зачарованные различными знаками. Те вспыхивали красным или фиолетовым неестественным сиянием, как только Ричард или Беатриче обращали на них внимание, и меньше, чем за полминуты исчезали без следа, когда Вагрус подносил к ним браслет. Ричард оценил снаряжение парнишки – даже в их мире такое считалось редкостью, алхимики не разбрасывались своими услугами за бесценок, а немногочисленные маги и вовсе скрывались – никто не хотел попадать под каток королевской расправы. Вагрус, вероятнее всего, выложил за все свои уникальные находки гораздо большее, чем просто деньги. Ричард не решился бы расспрашивать, чего парнишке стоили все эти редчайшие изобретения науки и магии, половину из которых закон прямо запрещал. Да и ничуть не сомневался – как бы он ни дознавался, Вагрус правду не скажет. Не тот случай... Что же, у каждого человека есть такие моменты биографии, куда ни-

кому нельзя совать нос, даже самым близким. Иных секретов мучительно стыдишься, а за другие готов убить, если они попадут не в те руки. Те самые тайны, из-за которых мучительно горит язык, а поделиться ни с кем нельзя. Поэтому Ричард уважал право Вагруса на молчание.

А вот дальше у отряда начались проблемы.

Когда они оказались перед массивной медно-красной дверью, ведущей внутрь облюбованного Старатосом особняка, наполовину встроенного в чёрную скалу – перед ними возникли две химеры. Их гигантские орлиные крылья хлопали, драконьи пасти на длинных шеях рычали и лязгали клыками, хвосты с головами змей на концах мотались из стороны в сторону, а львиные лапы рыли землю. Одна из химер была лиловая, другая – изумрудно-зелёная. Ростом они превышали самого матёрого медведя, но при таких габаритах казались дьявольски проворными, а в злых глазах светился ум. Ум слишком острый для тварей, прислуживающих закоренелому негодяю.

– Проклятье, где он мог достать генетический материал дракона?! – раздосадованно и потрясённо выдохнул Ричард.

Нарушение же Старатосом очередного запрета, на скрещивание подобным вот грубым и жестоким образом живых существ, ничуть его, конечно, не удивило.

Тут же левую химеру отбросило назад – ступня Ишки в тяжёлом сапоге на толстой подошве со всего размаха врезалась промеж её глаз. Вторую химеру снёс поток направленного

ветра, беснующегося и лютого, выпущенного веером Беатриче. Добивая химер, Ричард начертил два знака огня и направил на их тела. Они должны были обратиться в горстки пепла, и пламя действительно повредило их – на том, что осталось от крыльев, уже нельзя было летать, шерсти не стало, а кое-где мясо обуглилось до самых костей. Но всё равно твари шевелились – и были готовы продолжать бой. Когда-то зелёная, а теперь изувеченная до неузнаваемости химера прыгнула, метя в Вагруса, и тот успел лишь закрыться руками. Беатриче занесла веер, но не успевала, да и на таком расстоянии она непременно задела бы своих.

Но тут-то Карои пронёсся мимо товарищей и за секунду до того, как Вагрус пронзили бы чудовищные зубы, с разворота раскрыл химере череп мощным ударом двуручного клинка. Второй он вонзил меч в бок – так, чтобы непременно достать до сердца, если оно у неё располагалось там же, где у всех животных. Вот теперь твари и впрямь повалились замертво, напоследок взревев так, что у всех даже ненадолго уши заложило, а душа в пятки ушла от невыразимой жуткости этих звуков агонии. Остаться невозмутимой и собранной удалось лишь Беатриче – по выражению её лица так и напрашивался вывод, что ей доводилось видеть, а то и делать вещи куда как похуже.

– Спасибо... – заплетающимся языком пролепетал Вагрус, краснея до ушей и отводя взгляд. Он давно не чувствовал себя таким бесполезным.

– Теперь осталось решить, что делать с самой дверью, – проговорила Беатриче, закрепив веер за спиной и перебирая карты в поисках подходящей.

Вагрус пылал желанием чем-то искупить момент страха, который парализовал его так сильно, что он полностью забыл и о своём наборе артефактов, и о том, чему его учили. Не ради остальных, но ради себя, восстановить хотя бы частично самоуважение. Он поднял руку с браслетом и высвободил энергию, накопленную украшением. Эта волна не снесла дверь, но сработала как отмычка, и та отворилась.

– Вы заставили себя ждать.

Старатос, облачённый в серебристо-голубую мантию, струящуюся до пола, стоял посередине коридора, скрестив руки на груди.

И тут они всё поняли. Вагрус намеренно не убрал один из наблюдательных знаков Старатоса, чтобы тот подал сигнал о приближении врагов. Для Вагруса Старатос, воплощение силы и власти, был тем, на чьей стороне победа, а, значит, и вся история, и он, догадываясь, что и без него остальные члены отряда обречены, всё же захотел увеличить вероятность успеха отступника.

– Вы глупцы, что не распознали предателя. И глупцы вдвойне, что взяли с собой моё творение, – флегматично и даже как-то слегка разочарованно, словно он ожидал от них гораздо большего, промолвил Старатос.

Марион вздрогнула и отшатнулась, но поздно – создатель

воспользовался руной, нанесённой на её тело, и полностью взял девочку под контроль.

– Но сражаться нет нужды. Я даю вам право примкнуть ко мне и почувствовать ток времени, пульс материи пространства, их податливость, они изменятся по вашим представлениям о добре и справедливости, об этике и честности. Для чего вы сопротивляетесь? – Старатос искренне недоумевал. – Вам недостаёт веры и мотивации, вы привыкли довольствоваться тем, что есть. Вас пугает перспектива лишиться этого и ничего не приобрести взамен. Но я не сумасшедший и не рассказываю сказки. Идеальный мир вполне достижим.

– Твой мир, построенный на костях и крови?! – с омерзением выплюнула Ишка.

Прищурившись, она оценивала обстановку и даже одежду Старатоса, не забывая, что алхимические руны могут оказаться нанесены прямо на ткань, и неизвестно, где там просто рисунок, а где символ, покорно ожидающий, пока в него волюют силу. Ничего, внушающего отвращение или демонического, интерьер, обставленный скромно и со вкусом, даже привлекал Ишку. Неожиданно для неё самой Старатос начал казаться ей совершенно человеческим, таким же, как все – при его бесспорно выдающихся и впечатляющих талантах. Он не изгой, не пришелец из далёких неведомых измерений, а простой смертный. Демонизировать его до положения верховного зла – означает слишком предвзято и бинарно смотреть

на мир.

– Ну, что вы, юная леди. Но вам, пожалуй, как и вашему другу Ричарду, не помешало бы вознестись над людскими болью и страданиями, увидев, путь к каким высотам они открывают. Ни в одной религии не достигают святости без мученичества. Они отдали свои жизни не зря.

Марион была неподдельно благодарна Старатосу за то, что он позволил ей дышать, выпустил в мир, обеспечил всем необходимым. Ничто не искореняло в ней это чистое и светлое чувство. Однако, его недоставало, чтобы погасить ненависть девочки к нему за всё остальное. За это вот управление её волей, принуждение, отсутствие внимания, когда она, как и всякий новорождённый, нуждалась в нём насущно. Старатос пренебрёг ею, и Марион не прощала его. Этот столп разума и кладезь премудрости, якобы служитель человечества, на деле не умел заботиться ни о ком и никогда, не брал ответственность, а, как мальчишка, хватал всё новые и новые игрушки, вертел их – и отбрасывал прочь, если они переставали ему нравиться.

По щекам девочки впервые за весь срок её существования потекли слёзы. Она не хотела выступать марионеткой Старатоса. Ей было больно и плохо от того, что он снова и снова топтал её душу, лучшие чувства. Да, конечно, она сама натворила ошибок, чего стоит одно это предательство... Но все её поступки – следствия его небрежности, его пренебреже-

ния, его слепого устремления к цели, которая, как запретный плод, манила, но непременно погубит и его, и всех, кто окажется рядом. И ничего она не могла поделать, ничего. Состояние, в которое, не задумываясь, поверг её Старатос, доказывало – для него она была, есть и навсегда останется предметом, пусть и, как вещь, изготовленная им, вызывала некоторое сентиментальное расположение. Кукла, имущество, её парализованное тело свидетельство тому, что этот человек не знал сострадания и не видел в ней индивидуальность, что бы ни говорил.

– Ты лжёшь, – прошептала Марион еле слышимыми губами, которых она не чувствовала из-за онемения.

И ощутила тепло чьей-то руки в своей. Она чуть скосила взгляд и увидела злой взгляд и длинные рыжие патлы, собранные в хвост. Значит, Ричард.

В следующее мгновение он привлёк девочку к своей груди, словно бы укрывая объятиями от всего мира.

– Ты что, не видишь, как она плачет, а, мразь? – с рассудочной яростью процедил Ричард сквозь зубы. – Точно так же плачет каждый, к чьей жизни ты притрагиваешься, и будет рыдать весь мир, если позволить тебе добраться до него!

В сложенных лодочкой ладонях Ишки, от запястий до кончиков пальцев, вспыхнуло белоснежное сияние. Она плеснула его в Старатоса тем движением, каким брызжутся зачерпнутой водой при купании. Беатриче изящным жестом

фокусника извлекла словно бы из воздуха очередную карту и метнула быстрее, чем можно было рассмотреть рисунок, что-то алое, зелёное и золотое. Два взрыва произошли почти одновременно, недостаточно сильных, да, вдобавок, ещё и безупречно узконаправленных, чтобы не повредить несущим стенам, но разорвать человеческое тело в клочья. Однако, Старатос вынырнул из облака дыма всего спустя секунду после того, как оно окружило его – чтобы нарваться на рубящий удар сверху вниз и наискосок, слева направо, от Карои. Алхимик никак не успел бы закрыться или увернуться – но ему и не понадобилось, меч прошёл сквозь него. Карои взревел и попытался разрубить Старатоса напополам в талии – разумеется, неудача повторилась.

– Фантом! – обвиняюще выкрикнул Карои, словно у них тут шла благородная придворная дуэль, а не подлинный бой, где все средства хороши.

– Нет! – торопливо сказал Ричард. – Это не иллюзия, он изменил своё состояние! Подвергать алхимическим трансформациям своё тело – тоже табу! Старатос, неужели ты пренебрег ими всеми?!

– А не ты ли, Ричард, советовал мне начинать с себя? – кротко уточнил Старатос.

Ричард выдернул из-за пояса хрустальный флакончик с пурпурной жидкостью внутри и метнул его в отступника. Флакончик упал под ноги Старатосу, разлетелся вдребезги, и кислота выплеснулась на него. Ричард не был уверен, при-

годится ли ему такое, но в этой маленькой бутылочке приготовил снадобье, способное разьесть даже чистую энергию или духовные эманации. В этом ему помогла Ишка и её дар использовать внутренние ресурсы воли и духа человека, а также Беатриче с её картами-фиксаторами. Им нужно было найти способ воплотить в вещественную, осязаемую форму изначально нематериальное – и после нескольких провалов, в результате одного из которых вся лаборатория едва не взлетела на воздух, задуманное получилось. Ричард изначально не собирался щадить Старатоса, поэтому применил смертоносное средство. Увы, но ему пришлось поражённо и неверяще смотреть, как тот попросту стряхивает отраву, будто досадную мелкую неприятность, с мантии, и тяжёлые капли с шипением впитываются в пол.

– Чем вы меня действительно всерьёз удивили – это что так долго собирались, – великосветским тоном хорошо воспитанного дворянина проговорил Старатос. – Я был готов к вам ещё несколько дней тому назад. Зря вы это затеяли, но, раз уж пришли – как гостеприимный хозяин я предлагаю вам сложить оружие и побеседовать за обедом. Только давайте без глупостей.

Взмахом руки он буквально вырвал Марион из рук Ричарда и поднял к самому потолку, девочка выглядела как объект сеанса гипноза.

– Не забудьте, она всё-таки моя. Никто из вас не вложил в неё столько. Голубая соль земли, зерно золотой ртути, тол-

чёрные кристаллы алой серы, квинтэссенция звёздного света, чёрный цветок крови, капли ночного дождя... Я дробил и смешивал, я нагревал и охлаждал, я сочетал невозможное, пока не появилась – она. И каждая клеточка её организма – моё творение, как художник наносит штрихи, а скульптор отделяет лишнее от мраморной глыбы. Вы не имеете права на неё посягать, вы протянули руки к тому, что не предназначалось вам.

– Нет... – Марион слабо дёрнулась, напоминая тонкокрылую полупрозрачную бабочку, светлую и нежную, что трепыхалась, прилипнув всем тельцем к невесомым и мягким, как шёлк, но для неё непреодолимым тенётам паука.

– Да. Ты не можешь отрицать факт. Что бы я ни сделал с тобой, ты не можешь меня винить, потому что без моей фантазии и моих знаний ты бы никогда не появилась на свет. Если даже я действительно приношу в твою жизнь лишь разочарование и унижение – ты обязана помнить, что и хорошее в ней есть только благодаря мне.

Старатос говорил холодно и безучастно. Если к остальным он испытывал любопытство, снисходительную и немного насмешливую симпатию или даже некоторое уважение – то она для него, кажется, значила не больше, чем заводной болванчик, который ходит, кивает, двигает руками и говорит заложенными фразами. Замысловатый механизм может очень нравиться, и само его существование тешит самолюбие мастера, иногда, если получилось очень хорошо, с таки-

ми игрушками подолгу не расстаются и всюду берут их с собой... Но они всё равно не покидают ранг неодушевлённых предметов, их никто не считает за равных, и об их чувствах не переживают, так как не сомневаются – у вещей нет никаких чувств, даже у самообучающихся вещей.

Этого хватило, чтобы Ричард снова вышел из себя. Его зрачки сузились, и он пошёл на Старатоса, разминая руки как пианист, готовящийся выступить целый вечер. В его жилах кипела кровь, адреналин кипучей струёй бил в мозг, лишая хладнокровия, но придавая азарта сразить Старатоса любой ценой.

– Неужели? – выгнул брови отступник. – Позволь спросить, что тебя не устраивает, человек, постоянно сующий нос в чужие дела? У меня в доме ты пытаешься мне диктовать, как поступать с частной собственностью? Она сама привела вас сюда, пошла против меня, я ведь отпустил её, дал жить, как она предпочитает. Значит, сама виновата. И кровь её, как и всех вас, на её голову падёт.

– Только твоя кровь, и падёт она на мою голову, – процедил Ричард. Он, хотя и храбрился, но всё же лихорадочно думал, что в его арсенале хоть немного проберёт Старатоса, оттого ещё и не ударил.

– Каждому своё, и тебе бы не помешало это уяснить. Например, у далёких южных народов на совершеннолетие юношей разбивают по двое, и каждую такую пару заставляют сражаться между собой до смерти, чтобы в племени остава-

лись только сильные мужчины. Поэтому у их женщин принято рожать помногу... Девушки же обязаны отдаться как минимум десяти не связанным с ними кровно соплеменникам за неделю. Вы можете считать это изуверским или унижительным, и для нас, цивилизованных и возвышенных городских снобов, оно так и есть, но я видел, с каким восторгом они принимают эти испытания за честь для себя, как стараются победить, и как после этого светятся счастьем и торжеством их лица. Скажи мы им прекратить, заяви, что это вульгарно и достойно диких зверей, а не людей, и они бы нас подняли на смех, закричали бы, что у нас в жилах кровь, а не вода. Миссионеров они в назидание, чтобы к ним не лезли, оставляют распятыми на солнцепёке.

Старатос прямо и открыто посмотрел Ричарду в глаза. Он явно не испытывал ни крохи стыда – ни за что. Лишь сожаление, что столь блистательный алхимик, какого он видел в Ричарде, не соглашается прозреть.

– И вы не можете диктовать свои условия тем, кто отличается от вас. Да, конечно, ты можешь сказать, что всем всё позволять нельзя, что это ведёт к беспорядкам, произволу и многочисленным жертвам, но почему твоё право голоса должно быть важнее моего? Если бы, допустим, я захватил власть, если бы в моей родословной были родственники короля, и я имел бы право занять престол – у меня появилась бы возможность какие угодно законы, и это считалось бы нормальным для общества, и все были бы вынуждены пови-

новаться. И в соответствии с ними вас всех воспитывали бы, и вы бы следовали им, защищали их. Так за что же вы держитесь, даже не зная, не было бы вам удобнее и комфортнее под моими?

– Есть кое-что, помимо законов! – закричал Ричард.

– Что же? – с холодным цинизмом усмехнулся Старатос, словно предвидел, что его собеседник ляпнет очередную несусветную глупость.

– Совесть, Старатос. Совесть.

Глава 3

Старатос расхохотался во весь голос, не сдерживаясь. Он веселился беззаботно, как если бы не сомневался – вся группа, что самозвано явилась на его порог, не способна причинить ему ни малейшего вреда. Он смотрел на них как взрослый – на маленьких детей, или даже на цыплят, которые не могут маленькими клювами проткнуть его сапоги. Наивные малыши залезли в рабочую мастерскую отца по недомыслию, не бить же их теперь за это, право слово. Старатос никогда не был из тех, кто поднимает руку на что-то не то себе надумавших и за это обидевшихся детей. Марион, конечно, Старатос управлял – но больно не делал. И, если бы её их отторжение, он бы успокоил их и показал, что бояться нет причины, как и злиться. К сожалению, никто из них даже не пытался представить себе картину мира с его позиции, не видел ни соблазнительных, головокружительных

перспектив, ни возможностей, которые им вложили прямо в руки. Прискорбнее всего Старатосу было видеть подобное от умных, образованных людей, равнодушных ко способам улучшить жизнь общества.

– Совесть?! Ох, небеса, да неужели?! Совесть, то есть, самое причудливое и ненадёжное из наших качеств? Я знал женщину, которой было совестно за то, что она случайно сломала стебель розы, зато ей совершенно ничего не мешало избивать сынишку за любое желание, мысль или поступок, которые не укладывались в её представления о том, как надо. Она была истово уверена, что делает благое дело. Другой человек рисовал прекрасные картины, постигая в них, казалось бы, самую суть природы и мироздания, красоту, незаметную для большинства, и секреты, обычно не привлекающие нашего внимания, но стоящие на самом деле дороже золота, алмазов и платины... но этот же человек ради пустого удовольствия стрелял в лебедей на озере рядом со своим домом, он не использовал ни их мясо, ни даже пух. Нет ничего более шаткого, спорного и продажного, чем ваша хваленая совесть.

Старатос щёлкнул пальцами с выражением лица, достойным графа или барона, бросающего подачку немытому и необразованному простолюдину – и Марион опустилась на руки Ричарду, он едва успел подхватить её, потому что не был настроен на такую выходку отступника. Впрочем, она падала медленнее, чем ей надлежало, соотнеся естественное

тяготение с параметрами и весом её тела – даже несмотря на то, какая Марион была миниатюрная, лёгкая и хрупкая.

– Убирайтесь, – Старатос проговорил это без агрессии или отвращения, лишь с безмерной усталостью, будто бетонная плита лежала на его плечах.

Его утомление было не физическим, ему словно надоело биться в стену непонимания твердолобых дураков, не воспринимающих никаких аргументов.

Отступник развернулся и походкой уверенного в себе и вполне бодрого юноши направился прочь. Он пренебрёг их, как челядь, что явилась на поклон, но он вовсе не был обязан давать им аудиенцию. Никто из них отчего-то не смел ни окликнуть его, ни даже двинуться с места. Погасла сияющая ало-золотая вязь рун, выющаяся по клинку Карои. Беатриче опустила руку с пятёркой карт, зажатых до сведённых пальцев. Ишка оцепенела. Ричард словно бы вовсе позабыл, как рисовать алхимические руны и пользоваться ими. Никто из них не понимал, каким образом совершенно не пугающий внешне Старатос, ничего не делающий против них, оказывает такой эффект. Как же наивны они были, что полагали взять его количеством! Муравьям не дано победить ураган, щепкам – водоворот. Такой разительный контраст выпивал силы и внушал желание попросту опустить руки.

– Будь ты проклят, Старатос, – наконец выдавил из себя Ричард.

– О, да. Я уже, – не оборачиваясь, с горьким весельем ух-

мыльнулся тот.

И остановился.

– Больше не приходи. Я намерен сохранить хорошее мнение о тебе и не хочу, чтобы год за годом мы сталкивались, пока всё окончательно не превратится в трагикомический фарс с известным заранее результатом, надоевший нам обоим. Если тебе не дано увидеть дальше своего носа и осознать, чем я занимаюсь – хотя бы не мешай.

После этого жёсткого и сухого заявления, как на стали высеченного, Старатос больше не задерживался – и беспрепятственно исчез в глубинах особняка.

Если их добро туманит взор, застит разум и сбивает с толку – ему не нужно такое однобокое, беззубое, вечно мечущееся между вынужденными уступками якобы злу, большему или меньшему, потому что ни в одной истории совсем уж всё хорошо, светло и сладко не бывает никогда, добро. Они будут до скончания века щебетать как певчие птички о том, что дозволено, а что греховно, что запятнает их белые плащи, а что позволит остаться чистенькими и нарядными в собственных глазах, но как припечёт – так и пустятся кудахтать и хлопать куцыми крыльями, не способными поднять их в воздух. Старатос чувствовал к ним нечто сродни снисходительной жалости.

Впрочем, иногда Старатос всё же немного завидовал тем, кто видел мир в чёрно-белых тонах, ведь для них всё было так просто, элементарнее некуда. Всё, что не подходит под

определение несомненного добра – зло. А зло подлежит искоренению. Подход детей, наивных монахов некоторых религий – и набитых дураков. Не нужно взвешивать каждую мелочь, ведь так называемые добрые и светлые подвиги могут вовсе таковыми не являться, достаточно лишь сместить угол зрения. Ты отбрасываешь всё, что может омрачить твоё понимание образа мыслей, подобающего разящему клинку правосудия. Не нужно думать о состоянии тех, кого ты осудил, ведь они сами виноваты. Что там на душе у воришки, у жалкого душегуба, который, может быть, и не хотел, но случайно пырнул ножом слишком сильно – и зарезал? Какая разница. Всех повесить, испепелить, утопить.

Разве так чудовищно отдаваться работе телом и душой? Разве плохо стремиться к куда большему, чем есть в мире, если чувствуешь себя непоправимо скованным, задыхающимся, как запертый в клетку хищник, а со всех сторон так и сыплются табу, большую часть из которых Старатос, как ни тщился, не мог воспринять? Обучение казалось ему чересчур простым, известная алхимия – донельзя урезанной, словно голые кости, нарочно лишённые даже волоконца мяса. Он рванулся вверх, разрывая цепи, дыша полной грудью, и ему не простили.

– Ричард, мы должны что-то сделать!

Ишка помчалась за Старатосом по коридорам. Картины, запечатлевшие известнейших алхимиков во все века и их

лучшие достижения, не восхищали и не занимали её, а лишь наводили жуть и трепет омерзения. Ещё бы, у некоторых экземпляров была содрана кожа, а иные – показаны в разрезе... Да и, например, алхимик, судя по воздетым рукам и выражению лица – явно буйнопомешанный, изображённый в тот самый миг, как из гигантского резервуара перед ним вылезает голый, покрытый зелёной вязкой жидкостью гомункул, лысый, с четырьмя руками и четырьмя ногами, не добавлял воодушевления. Коллеги Ричарда и Старатоса сочли бы все эти сокровища за наглядные пособия, примеры для подражания или прямые предостережения, и, чтобы собрать такую коллекцию, многие из них выложили бы целое состояние, но Ишку не впечатлило – нет, её отталкивали слишком подробные чертежи или реалистичность некоторых ужасов.

Она не разрешала себе ни на секунду замедлить бег, чтобы задаться вопросом, по плечу ли ей тягаться со Старатосом, и не заведёт ли она всех, кто последует за ней, в западню. Да, риск, что всё это произойдёт, был высок, но, если так постоянно пасовать перед испытаниями – никогда не достигнешь никаких результатов.

Чёрная дверь с гигантским серебристым знаком Уробороса во всю поверхность захлопнулась перед носом Ишки. Девушка налетела на преграду, колотя руками и ногами – каждого удара хватило бы, чтобы проломить череп или расколоть напополам гранитный валун. Дверь, однако, даже не треснула. Когда Ишка выбилась из сил, та вдруг открылась

вовнутрь, как бы приглашая её.

Ишка робко, как бы наблюдая за собой со стороны, сделала шаг, затем ещё и ещё.

Это была библиотека. Стеллажи такие высокие, что терялись под массивным куполом потолка. Стеклоянные шары с белыми язычками пламени внутри – повсюду, через каждые десять шагов. Алыый ковёр с кораллово-розовой тесьмой. Пол, стены и потолок имели тёплый кремово-жёлтый оттенок.

– Как ты полагаешь, что такое Уроборос?

– Не знаю и знать не хочу, – неприязненно огрызнулась Ишка, собирая остатки сил для единственного, последнего удара. На больше её уже не хватит, но на это – должно хватить.

– Этот символ означает, что начало находится там же, где конец, а из завершения проистекает новое начало. Таким образом, начало и конец едины. Любая великая и могущественная империя будет повержена, чудеса света обратятся в пыль. Но... И в кромешном мраке непременно вспыхнет искра, и разгорится из неё новое будущее. Представьте, как много непостижимого лежит за гранью, плоть и мозг так слабы и уязвимы, им не выдержать этого, так не логично ли предположить, что они подлежат исправлению? За хрупкой скорлупкой привычной нам реальности, за бортом утлой лодочки, в которой мы неторопливо плывём по чёрному океану и чувствуем себя уютно, бездны и бездны, вовсе не

дружественные.

– К чему это ты? – бросила Ишка, пытаясь определить, где прячется источник голоса.

– К тому, что мир не будет уничтожен ничем, а из его праха воздвигнется новый. Даже если человечество сгинет – появится что-то ещё. Конечно, вовсе не обязательно это будут тоже люди. Но кто сказал, что мы – венец творения, а не всего-навсего этап, и даже не факт, что финальный? Выживание заложено в большинство из нас ради сохранения вида в опасных условиях неидеальной реальности. Поэтому мы успокаиваем себя убеждением, будто мы и есть вершина эволюции... Знаешь, девочка, у тебя ведь тоже пронизательный ум. Я мог бы передать тебе всё, что накопил за эти годы. Мой родной сын пошёл иным путём, гомункулов бесполезно держать за полноценных людей, Ричард отказывается, а ведь ты, кстати, вполне способна убедить и его. Я буду очень рад вам обоим. Начинать учиться алхимии никогда не поздно.

– Что? – она моргнула, расценивая это как дурную шутку. Ещё бы, тут настроены тебя убивать, а ты раз за разом миролюбиво зовёшь примкнуть к тебе и слиться в пароксизме страсти к науке.

– Вы мне глубоко импонируете, и я сожалею, что это невзаимно, – вздохнул по-прежнему невидимый Старатос.

– Зато я ничуть не сожалею, что мы не с тобой, тварь! – взревела Ишка и наконец-то смекнула, что к чему.

Она с разворота пнула массивной подошвой сапога по сте-

не и оставила вмятину. Казалось, девушка просто начала в отчаянии громить помещение, но нет – Ишка точно понимала, что и зачем делает.

Нечто невидимое прыгнуло в сторону и обрело материальность.

– Попался, – удовлетворённо констатировала Ишка и пустилась бить, взмахивая руками и ногами, вращаясь, будто сумасшедший живой вихрь.

Ни один из них не был тем самым роковым ударом, Ишка не вкладывала в них духовную энергию, лишь естественную физическую силу. Старатос лишь держал оборону, не атакуя в ответ даже в четверть силы. Когда Ишка соприкасалась с его мантией, что-то вновь и вновь отталкивало её назад на пару шагов, а воздух в миллиметре от ткани вспыхивал бледным бирюзовым сиянием. Впрочем, напор девушки был таков, что её это ничуть не задерживало, и уж, конечно, не останавливало от череды следующих попыток. Да, он прекратил быть фантомом и тенью, недостижимой для физических контактов, но положения Ишки это не улучшило. Она всё равно ощущала бездонный провал между их навыками и умениями.

Её раздражало в нём всё. И это сочувствие того, кто абсолютно, непоколебимо убеждён в своём превосходстве во всём, но снисходит до того, чтобы переживать за низших и хотеть помочь им. И усталый, но мудрый взгляд замученного хлопотами о проблемах мира, вместе взятых, человека. И

вальжность хозяина положения. Он держался не так, словно её натиск его хоть немного впечатлял, и поэтому он опасался бить в ответ – нет, он как будто попросту берёт её же, словно ему достаточно было пальцем пошевелить, чтобы стереть назойливую девицу в порошок... Да, впрочем, она уже перестала вычленять отдельные черты, которые выводили её из себя в нём, он весь, как таковой, был для неё красной тряпкой и подлежал искоренению. И, хотя сама Ишка при случае говорила, что не им определять, кто достоин жизни, а кто нет – Старатос зарвался в её глазах настолько, что ему прощения было уже не найти.

– Что же, – покачал головой отступник. – Видимо, у меня нет выбора, кроме как заставить тебя прекратить так тратить наше общее время.

Он хлопнул в ладоши, и несколько книг слетели с ближайших полок и раскрылись на середине. Двухмерные рисунки сошли со страниц, в движении обретая объём и разрастаясь. И вот, наконец, четыре крупных голема, по одной на каждую из основных стихий, окружили Ишку. Они были выше её лишь на голову, но не следовало сомневаться – такое ей не одолеть.

Ричард ворвался в библиотеку спустя всего лишь две минуты.

– Отпусти её!

Големы соединились вокруг Ишки в некое подобие клет-

ки, где стихии перетекали одна в другую. Девушка не могла выбраться, ей даже развернуться в столь ограниченном пространстве было негде.

– О... – протянул Старатос, будто его лишь теперь осенило.

Так оно, впрочем, и было. Он намеревался лишь помочь пылкой натуре юной леди немного охолонуть, не более – но теперь его озарило, что она также представляет собой прекрасное средство воздействия на Ричарда. Тонкий и внимательный наблюдатель подметил бы, что Старатосу также во все не по вкусу прибегать к таким банальным и даже низменным методам, но ему изрядно надоело увещевать Ричарда только словами, тем более, тот не слушал никаких аргументов и стоял на своём, как вкопанный в землю истукан.

– Я отпущу её, если ты совершишь алхимический обряд верности ученика учителю по отношению ко мне. Не сомневаюсь, ты знаешь, как он устроен. Мне известно, что своему прошлому наставнику ты уже давно ничего не должен.

– Нет! – голос Ишки сорвался чуть ли не до визга.

– Сегодняшняя пародия на битву показала расстановку сил. Вы ничего не смогли мне противопоставить. Честно признаться, я был настроен на гораздо худшее, так что вы бы проиграли всё равно. Я не использовал девять десятых своих заготовок. Признай, Ричард, твой прогресс зашёл в тупик, – Старатос говорил мягко, чуть ли не мурлыкал.

– И что с того? – Ричард переводил нервный взгляд с него

на Ишку и обратно.

– Она выйдет из здания, если ты присягнёшь мне.

Алхимическая формула создавала связь, и расторгалась эта связь, лишь если тот, кого выбрали старшим, признавал, что ему больше нечего дать ученику. Не пустые слова и обещания, которые так легко нарушались, а петля на шее, которая могла лишь немного придушить, а могла и убить, и выбирал это наставник.

– Ричард, я не прощу, не прощу тебя если ты примешь его условия! – на высоких нотах закричала Ишка.

– Она права! Не делай этого!

Ураганный ветер врезался в стихийную клетку. Та полыхнула цветом включённого в неё как одна из четырёх основ воздуха, и в десять раз усиленный смерч, выпущенный Беатриче, обратился против неё самой. Женщину попросту снесло, выбросило обратно в коридор. Карои, что прыгнул с мечом наперевес и нанёс мощный удар наотмашь по преграде, постигла похожая участь – правда, унесло его не в проход, а просто швырнуло в стеллаж. Он со стоном упал, и книги дождём посыпались на распростёртого ничком рыцаря.

– Как ты заметил, у тебя всё ещё нет никакого выбора, – большим довольным котом улыбнулся Старатос.

Кажется, он окончательно вошёл в роль бессердечной сволочи, пользующейся любой подвернувшейся возможностью установить превосходство над врагами.

– Хорошо, – безжизненным тоном пробормотал Ричард.

И, достав из кармана неизменный мелок, стал чертить на полу необходимую гексаграмму со всеми причитающимися символами в каждом из одинаковых лучей звезды и вокруг неё.

– Полно делать вид, будто тебя забирает в рабство демон, ничего плохого тебя со мной не ждёт, – участливо сказал Старатос, и его строгий взгляд потеплел.

Да, он не превратится в тварь, как иные, те, кого сломало проклятие предателей алхимических правил. Те, кто дерзнул дотронуться до тайн, не предназначенных для таких, как они, чересчур страшных и сложных для их помутнённого жаждой власти или банальной алчности до денег рассудка. Разумеется, они становились рабами того, что в слепоте своей стремились подчинить, ведь рассчитывали на лёгкую добычу, а не на проверку того, сможет ли их хребет выдержать падающее небо. Старатос на порядок выше прежних оппонентов Ричарда, по сути, жертв собственных амбиций и неутолённых желаний. Но это и делает его куда хуже, чем они. Умнее, хитрее, изобретательнее, упорнее. Старатос не сломался под грузом тьмы и зла, что хлынуло на него из-за тех самых пресловутых запретных ворот. Он упивался этим отравленным вином, смакуя по глоточку. Скользил по волнам безумия и адской вседозволенности, словно родился дельфином. Их буруны, их штормы и подводные рифы ему нипочём, закованному в броню жажды познавать и пробовать, когда надо – подстраиваться, когда надо – проявлять

несгибаемый характер и твёрдой рукой уверенного в своём статусе господина обуздывать.

Но загнанный в угол Ричард признал – ему действительно не выбраться. И не мог отрицать – его влекли знания Старатоса, влекло проникнуть на другие планы бытия, те, куда послушным и хорошим мальчикам заказан вход. Старатос сохранил личность и память... Может, и Ричарду удастся? Он всё-таки славился талантом выкручиваться из самых тугих переплётов.

Когда символ на полу зажёгся по контуру сине-зелёным тусклым свечением – Старатос усмехнулся и кивнул. Чужими губами, не чувствуя тела, воспринимая мир как сквозь густую пелену, Ричард проговорил слово за словом клятву верности на крови, плоти и костях своих. Соответственно, каждый из названных элементов поразит гниль и тление, если он нарушит условия договора.

Глава 4

Вагрус безнадёжно потерялся в бесчисленных переходах, лестницах и комнатах. Он отстал от группы, так как придумал переждать и посмотреть, кто победит, чтобы примкнуть к этой стороне. Толку в бою от него всё равно чуть, да и не обязан он им помогать. Вагрус не собирался искупать вину и доказывать, что он больше никогда не повторит. У него так и не возникло подлинного ощущения общности с группой, долга перед ними или чего-то ещё в том же роде. Он был во-

ром, отребьем, выросшим в трущобах, и менять союзников как перчатки стало естественной частью его повседневности. К некоторым он проникался мимолётной симпатией, а то и уважением, от других бежал как от чумы. Он не считал, что это хорошо, но и не назвал бы плохим – Вагрус давно оценивал это как данность. Для него так существовал весь мир.

В страхе, что Старатос снова подчинит её, Марион осталась ждать их возвращения у входа. Вагрус притворился, что примкнул к остальным, но нарочно отстал и свернул не туда.

– Крыса, – прошелестело вдруг откуда-то справа.

Вагрус нервно уставился в коридор, но глубины бокового прохода в неизвестно куда наполняла непроглядная темень. Густая, плотная, чернильная. Вагрус прищурился, напрягая зрение, но ничего не разобрал. Даже если ему не послышалось, и там действительно кто-то стоял – он не мог проверить, не войдя. Но он не мог, ноги Вагруса словно приросли к плитам пола. Внутри всё аж захолонуло от иррационального, но пронимающего до костей ужаса. Он застыл, как мышонок, почуявший, что с ним вот-вот сотворят что захотят.

– Нам тут крысы ни к чему.

Шипение и свист заставили Вагруса взвизгивать благим матом и вжаться в стену – на него ползли пять змей, голова каждой из них доходила до уровня его груди. Вагрус сдавленно застонал, и глаза его наполнились чистой паникой. При таком размере гадин было совершенно неважно, ядовиты они или нет, вцепятся в глотку – и ему конец.

Дышать, дышать спокойно и глубоко, не сорваться в истерику, тогда он ещё, возможно, справится и выберется. Нужно вспомнить, чему его учил Ричард, да и артефакты Вагрус с собой взял только лучшие.

Вагрус взмолился печати огня, нанесённой на его правую ладонь, и едва успел развернуть её в нужном направлении. Алхимическая руна скользнула к змеям и на полпути плавно опустилась на пол. Стена пламени вздыбилась между Вагрусом и ползучими тварями. Они рассерженно и беспокойно отпрянули, заскользили вдоль полыхающего барьера, ища хоть намёк на брешь, чтобы добраться до цели, на которую их науськали. Сияние в золотистых глазах и странный оттенок чешуи показывали, что это не простые пресмыкающиеся, а вызванные особым ритуалом, возможно, преобразованные из неорганической материи. Слуги Старатоса, должно быть, такие же безумные алхимики, как и он сам.

– Ничтожество. Я ненавижу таких трусов и подлецов, как ты. Мусор, зачем ты цепляешься за своё дрянное и ничемное прозябание? От клыков моих змей нет противоядия. Один укус – и ты будешь корчиться много часов.

В речи незнакомца слышалась неподдельная ярость, но ярость взвешенная и логически структурированная. Такие не забываются – они ставят себе цель и хладнокровно следуют к ней, даже если гнев пожирает их изнутри. Они умеют управлять им и подавлять его.

Вагрус развернулся на каблуках и бросился наутёк, куда

угодно, лишь бы подальше от змей и их повелителя. Он даже не догадался, что, обитая здесь постоянно, незнакомец наверняка обнаружил все короткие пути и беспрепятственно догонит его.

– Я тебя не выпущу.

Наперерез Вагрусу шагнул худощавый юноша в очках. Он выглядел безобидным и чуть ли не хилым, но глаза... то же выражение, что Вагрус запомнил по первой встрече с Марион. Как будто он лишь имитировал жизнедеятельность, как будто был лишён души. Незнакомец действовал с целеустремлённостью механизма, как поезд, летящий по рельсам, как бур, вгрызающийся в землю. И эти зрачки, пронзающие насквозь и будто препарирующие любое создание или объект, но пустые и мёртвые – в них горело не живое трепещущее сияние эмоций и идей, а выхолощенный, почти электрический, машинный свет.

– Ты... тоже гомункул? Как Марион? – догадался Вагрус.

– Не сравнивай меня с этой ущербной особью, – поморщился явно наигранно, лишь изображая свойственную людям реакцию, парень. – Не знаю, сколько ещё она собирается заниматься маскарадом, но из нас не получится такой, как вы. Она достигла кризиса самопознания и пытается выйти из него так, но это никуда её не приведёт.

– Почём тебе знать?

Гомункул саркастично фыркнул. Очень старательно и почти правдоподобно.

– Мы инструменты. Как говорящий и смеющийся автоматический ковш или как заводная самоходная лодка, вдруг получившая способность наслаждаться звёздами и рассуждать о них.

– Инструменты рассчитаны на принесение пользы, – Вагрус изо всех сил напрягался, чтобы выторговать себе спасение, из кожи вон лез. – Какая выгода тебе от моей смерти, если я выступил за вас? Я не захотел оставаться среди слабаков, не видящих дальше своего носа, я желаю достичь большего, чем все они!

– Ты предал тех, кто доверился тебе. Статистика показывает, что любой, кто раз уже подвёл, совершит это снова. Как только кто-то покажется тебе внушительнее и перспективнее господина Старатоса – ты выдашь всё, что знаешь и о чём лишь предполагаешь, чтобы втереться в милость, и тебя приняли под тёплое крылышко. Ты несамодостаточное ничтожество, кормящееся подачками других. И, если ты думаешь, что я позволю тебе здесь бродить и портить атмосферу особняка своим зловонным дыханием – ты ошибаешься!

Красивое, пусть и отдающее строгим пуританством и абсолютным отсутствием чувства юмора, лицо гомункула исказили брезгливый гнев и высокомерное презрение, словно его отрядили убирать валяющуюся посреди коридора падаль, которая и при жизни-то, даже в лучшие её дни, внушала лишь тошноту и оскорбляла понятия о прекрасном. Сам гомункул в холодном отчуждении нечеловеческого со-

здания, стоящего выше проблем сброда из нищего квартала, уверенного, что ему не доведётся в них окунуться никогда – был безупречен. Чисто и аккуратно одетый, с правильной осанкой и жестами аристократа – он подходил этому роскошному, пусть и опасному, месту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.